

ВО ИМЯ ДОЛГА.
КУКЛА.
НАДЪ ПУЧИНОЙ.

ТРИ РАЗСКАЗА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

В. П. Желиховской.

Съ рисунками А. А. Чикина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. ДЕВРІЕНА.
1899

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВО ИМЯ ДОЛГА.	2
КУКЛА.	124
НАДЪ ПУЧИНОЙ.	233

ВО ИМЯ ДОЛГА.

I.

— Ну и что-жь?.. Если вы такой охотникъ до самопожертвованій, да великихъ подвиговъ, — зачѣмъ вы сами на холеру не ѣдете, а только другихъ туда посылаете?!

Этотъ хладнокровный вопросъ былъ сдѣланъ дѣвочкой, гимназисткой лѣтъ четырнадцати, сидѣвшей за чайнымъ столомъ, подперши подбородокъ обѣими руками и долго слушавшей восторженные разглагольствованія молодого человѣка, не спуская съ него взгляда.

Замѣчаніе ея раздалось среди минутно воцарившагося въ небольшой комнатѣ молчанія, и, заставило все общество молодежи, по большей части студентовъ, собравшихся у самовара, неудержимо расхохотаться.

Ораторъ, очень красивый и представительный молодой человѣкъ, одѣтый съ безукоризненнымъ изяществомъ, — Викторъ Сергѣевичъ Торновичъ, одинъ изъ блестящей плеяды многообѣщающихъ звѣздочекъ Сената, посмотрѣлъ на дѣвочку съ вопросительнымъ неудовольствіемъ, но тотчасъ скрылъ непріятное чувство подъ улыбкой и увѣренно, весело возразилъ:

— А оттого, Настасья Николаевна, что не имѣю ни знаній, ни правъ врачевать человѣческіе недуги какъ мой братецъ, Павелъ Александровичъ и его товарищи эскулапы. Не то бы я поѣхалъ, увѣряю васъ!.. Мое искреннее убѣжденіе, что въ такихъ общихъ, народныхъ бѣдствіяхъ, какъ эпидемія, или голодъ, или война, —

обязанность каждого человека не прятаться въ свою раковину, а смѣло выходить всѣмъ на пользу и помощь.

— Въ такой азбукѣ общественной нравственности, кто-жъ сомнѣвается? сказали Павелъ Торновичъ, студентъ медицины на послѣднемъ курсѣ, спокойно взглянувъ на нѣсколько рисовавшагося родственника.

Другіе увѣренно поддержали его; разговоръ снова оживился, дѣлаясь общимъ. Молчала только Ксенія Николаевна Горянская, старшая сестра Насти, замѣчательно хорошенькая молодая дѣвушка, дочь хозяйки дома.

Но гимназистка, очевидно, бойкая барышня, не унималась. Она перекинулась словомъ со своимъ сосѣдомъ, незамѣтнымъ, маленькимъ черноволосымъ юношей, медикомъ также, но не изъ кончившихъ курса, какъ другой, находившійся здѣсь товарищъ его по академіи. Онъ, подсѣвъ къ дѣвочкѣ сзади на низенькомъ табуретѣ, шепталъ ей что-то, что заставляло ее улыбаться, а великолѣпные свѣтло-каріе глаза ея искриться насмѣшливо. Она заставила себя сдѣлать серьезное лицо, выбрала мгновеніе и снова срѣзала старшаго Торновича замѣчаніемъ:

— А вотъ, Дорженевскій, не медикъ, — юристъ тоже, какъ и Викторъ Сергѣичъ, — а поѣхалъ же на Кавказъ... Попросился, самъ вызвался добровольцемъ, на помощь медикамъ въ борьбѣ съ холерною эпидеміей, его и послали... Вотъ онъ — да и много другихъ — «не спрятался въ раковину». Онъ «смѣло вышелъ» на помощь страждущимъ!.. А вы, что же не ѣдете, Викторъ Сергѣичъ?

Это ужъ было такъ безцеремонно, что многихъ передернуло, — кого охотой разсмѣяться, кого испугомъ, меньшинство — жалостью, а самого юриста взорвало до того, что онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и крѣпко стиснулъ подъ столомъ кулаки, чтобъ не позволить своему лицу выразить чувствъ его, всѣмъ на потѣху.

— Настя! Какое тебѣ дѣло? укоризненно замѣтила Варвара Алексѣевна Горянская, дочери.

— Но, мама, можетъ быть Викторъ Сергѣичъ не знаетъ!.. Я думала оказать ему услугу...

— Молода ты, чтобъ много думать! срѣзала ее строго старуха. — Уроки бы шла готовить, вотъ что!

— У меня уроки не залеживаются, мама. А почему же не услужить людямъ?.. Я тоже не хочу эгоистично въ раковину прятаться, когда могу найти полезную дѣятельность!

Она звонко засмѣялась и смѣхъ ея подхватили многіе, и Викторъ Торновичъ въ числѣ другихъ.

— Понятно! сказалъ онъ. — Барышня изощраетъ свое остроуміе!.. Прокуетъ силы — и благо ей!.. Въ наше время, чѣмъ острѣе зубы, — тѣмъ больше шансовъ преуспѣвать.

— Да вѣдь Настасья Николаевна въ хронической враждѣ съ Викой! замѣтилъ, примирительно Павелъ Александровичъ, улыбаясь гимназисткѣ.

— Ну, нельзя же ей благоволить ко всѣмъ членамъ нашей семьи! отозвался ему въ тонъ Викторъ:— Будетъ, что она къ тебѣ милостива и къ Даніилу Михайловичу особенно любезна!

— Ко мнѣ?.. Что вы, дядюшка? Богъ съ вами! привскочилъ маленькій медицинскій студентъ изъ-за Настиного стула, улыбаясь не безъ коварства, потому что зналъ, какъ не любить его дальній родственникъ этого наименованія.

— Да ужъ нечего грѣхъ таить, племянничекъ? весело отвѣчалъ тотъ: — вы, со своей прелестной ученицей, оба готовы меня въ ложкѣ воды утопить, но кажется, это вамъ не по силамъ!

Онъ усиленно смѣялся, стараясь придать своему смѣху, какъ можно болѣе безпечнаго добродушія.

— Боже мой! Да куда намъ съ вами тягаться!

— Полноте, дядюшка! У насъ еще руки не доросли до вашего величія! отшучивались обвиняемые.